

Писатель и время... эти два понятия неразрывны. Писатель, не отражающий проживаемое время, не являясь Знаком и Образом исторического пространства. Как мы представляем категорию времени? Только через описание насущной реальности, её повседневности и личного участия в ней людей. Обычные люди измеряют время сменами природных сезонов в году и чередованием дня и ночи в течение суток. Но Время ли это? Простые люди (в тривиальном понимании) не ощущают того, что они живут в Историческом Времени. По известной поговорке: день прошёл — и слава Богу. Историческое Время осознают только философы, писатели, художники и учёные.

Философы и учёные используют абстрактные понятия, не волнующие души людей. На память, на воображение, на чувства человека действуют только Слово (литература), зрительный Образ (искусство изображения) и слуховое Волнение (музыка). Благодаря литературе и искусству Время становится светом и тьмой Прошлого и Настоящего, с взглядом в Будущее. Мы помним древние священные тексты («В начале было Слово...»), чтим пророков, Гомера, всех великих творцов, писавших о «героях нашего времени» и ставших тоже историческими героями. Гениальность писателя определяется продолжительностью его бытия и волнениями среди почитателей всех времён и народов. Жизнь и смерть писателя — это Дух и Плоть самого Времени.

Применимо ли наше понимание гениальности во Времени по отношению к Виктору Петровичу Астафьеву и его литературному творчеству? Первого мая 2019 года исполняется девяносто пять лет со дня его рождения. Первый его рассказ «Гражданский человек» опубликован в 1951 году. С той поры его имя вошло в профессиональную литературу и притягивало к себе всё большее и большее внимание. Роман «Прокляты и убиты» — вершина его творчества, апогей общественного внимания к писателю, к его жизни и творчеству — к единому Целому во второй половине двадцатого века и продолженного в двадцать первом столетии. Между первым рассказом начинающего писателя и его романом «Прокляты и убиты» были годы постепенного нарастания литературного художественного мастерства. Формировалась личность писателя

как эпохального явления. Валентин Курбатов в своей первой книге с размышлениями о творчестве В. П. Астафьева «Миг и вечность» (1983) в качестве эпиграфа к изложению привёл высказывание А. Блока: «Писатель — растение многолетнее... душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души»¹. Начиная «рост своей души» с первой книги об Астафьеве «Миг и вечность» известный литературовед В. Курбатов верно уловил «чувство пути» писателя, его восхождение к смыслам мирового бытия. На пути уже были знаменитые «Пастух и пастушка», «Кража», «Царь-рыба», «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Печальный детектив» и другие.

В предствлениях о писателе обратим внимание на то, что в его книгах используются эпиграфы-изречения, как бы оправдывающие замысел писателя о содержании и ставящие эти книги в систему мировой культуры. Вот два эпиграфа в книге «Царь-рыба»: «Молчал, задумавшись, и я, привычным взглядом созерцая зловещий праздник бытия, смятенный вид родного края» (Н. Рубцов). И тут же: «Если мы будем вести себя как следует, то мы, растения и животные, будем существовать в течение миллиардов лет, потому что на Солнце есть большие запасы топлива и его расход прекрасно регулируется» (Халдор Шепли). В повествовании «Последний поклон» такой эпиграф: «Пой, скворушка, гори, моя лучина! Свети, звезда, над путником в степи» (Ал. Домнин).

В. П. Астафьев не получил классического высшего образования, но у него был огромный интерес к чтению литературы. Он имел отличную память, часто цитировал многих поэтов, пел народные песни и романсы.

Сохранилась его фронтовая тетрадь с записями любимых поэтических произведений. Их много! Таким образом, душа писателя постоянно росла, вбирала в себя весь мир и ставила перед ним вечные вопросы о жизни и смерти.

.....
1. Курбатов В. Я. Миг и вечность. — Красноярск: Книжное издательство, 1983. — 168 с. (Примечание: эта книга издана в тот год, когда я работал директором Красноярского книжного издательства и подписывал с автором договор на её издание).

При оценке писателя всегда возникает вопрос о главных темах творчества. Оценивая творчество писателя В. П. Астафьева, одни ценители называют тему «сиротство», другие — «война и мир», третьи — «человек и природа». Все эти знаковые темы, конечно, есть в книгах В. Астафьева. Можно сказать, что тема войны сверлила душу писателя на протяжении всей его жизни. И роман «Прокляты и убиты» не исчерпал фронтовой опыт и послевоенные страдания от этого опыта, его влияния и на мирную жизнь.

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» отнюдь не ограничивается описанием военных батальи. Герой произведения Андрей Болконский, смертельно раненный, смотрит в небо и размышляет вообще о смысле бытия и предназначении человека. Писатель-философ Лев Толстой в завершающих главах романа рассуждает об исторических смыслах войны, почему то наступают, то отступают, то Наполеон в Москве, то русские полки в Париже. Мысли о войне выходят за пределы этой повседневности, писатель задаёт вопросы о Времени и Пространстве и о месте людей в них. Потому и гениален Л. Н. Толстой: он мыслит поверх сюжета произведения, выходит на размышления о бытии как таковом, только опорой являются конкретные исторические события — борьба России, Европы с Наполеоном, объявившим себя наместником Бога, отнимая этот «чин» у Папы Римского.

Новаторство В. П. Астафьева проявилось в том, что он не просто описывал военные события, выстраивал сюжет «врагов и победителей», чем характерна основная литература (талантливая по художественному изображению) о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Писатель обозначил более сложную проблему: человек и война, почему погибают люди, убивая друг друга. В конце романа «Прокляты и убиты» появляется молитва: «Боже милостивый! Зачем Ты дал неразумному существу такую страшную силу? Зачем Ты прежде, чем созреет и окрепнет его разум, сунул ему в руки огонь? Зачем Ты наделил его такой волей, что превыше его смирения? Зачем Ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать, чтоб он мог дивиться плодам безумия своего? Сюда его, стервеца, в одном лице сюда и царя, и холопа — пусть послушает музыку, достойную его гения. Гони в этот ад впереди тех, кто, злоупотребляя данным ему разумом, придумал всё это, изобрёл, сотворил. Нет, не в одном лице, а стадом, стадом: и царей и королей, и вождей — на десять дней, из дворцов, храмов, вилл, подземелий, партийных кабинетов — на Великокриницкий плацдарм! Чтоб ни соли, ни хлеба, чтоб крысы отъедали им носы

и уши, чтоб приняли они на свою шкуру то, чему название — война. Чтоб и они, выскочив на край обрывистого берега, на слуду эту безжизненную, словно возносясь над землёй, рвали на себе серую от грязи и вшей рубаху и орала бы, как серый солдат, только что выбежавший из укрытия и воззвавший: „Да убивайте же скорее!..“»².

В литературе «социалистического реализма» таких «негероических» восклицаний не встречалось.

«Партийные кабинеты», упомянутые в романе, как и нелюбимые оценки «вождей» разного ранга, особенно вызывали критику романа со стороны официальной идеологии и даже от солдат, Героев Советского Союза, понимавших войну только как победу над врагом. Прямолинейный патриотизм «наши — не наши» не в характере В. П. Астафьева. Убийство в его понимании — великий грех, кем бы оно ни совершалось. Это не пацифизм, это — горе, боль и сострадание. Такие чувства отражают религиозное мирозерцание, и естественно в страдании обращение к Богу: перед Ним все равны.

Геннадий Фаст, настоятель Успенского собора в Енисейске, так откликнулся на смерть В. П. Астафьева: «Ому казалось, что если б Высший разум был, то он должен был себя проявить (речь о войне. — В. З.).

Но рассказывал писатель и другое: как много лет спустя, будучи в храме, вдруг ощутил вечное, и душа стала вдруг отмякать, наполняться благодатью. То был зов вечности, того высшего мира, в который он когда-то не поверил... Он был из народа и писал для народа, не посягая на возвышенное и вечное. Не имея опыта в этой области и будучи честным, писатель, в отличие от других, столь же неопытных в духовной сфере бытия, не позволял себе пускаться в пустословие и многословие. Астафьев писал то, что ведомо его сердцу, то, что сам видел и слышал. И не было лукавства в его пере. Вместе с народом заблуждался, вместе с народом прозревал, ибо был плотью и кровью его»³. Однажды я участвовал вместе с Геннадием Фастом в дискуссии о современной культуре. Он сказал так: «Верующих много, уверовавших мало». Я думаю, что писатель не может быть «уверовавшим», он не богослов и не служитель церкви. Но отказывать ему в наличии «духовного опыта» вряд ли справедливо. Пути Господни неисповедимы. И у писателя свой путь постижения божественного бытия, ведь Бог создал человека по образу и подобию своему! Путь к Богу один, но формы движения разные. Есть служба (церковная), и есть духовно-нравственное служение писателя. В. П. Астафьев был на этом пути. Служение народу разве не является одновременно и служением Богу?! Поэтому споры о том, был ли писатель православным верующим, беспочвенны. Писатель не конфликтовал с Церковью, почитал предков, кланялся могилам, крестился, произносил

2. Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. — Красноярск: «Офсет», 1998. — С. 719.

3. Прощание. — Красноярск, 2002.

молитвы. Такой религиозной нравственностью он и выделился в рядах советских писателей и стал формировать образы в романах, повестях и рассказах в духе христианской морали, в отличие от «ускомчела» — усовершенствованного коммунистического человека. Писатели-коммунисты пытались отождествить Кодекс строителя коммунизма с евангельскими заповедями, с Нагорной проповедью Христа, но это политическая подмена сущности человека, подмена вечного сиюминутными «стройками коммунизма». Что из этого получилось, мы видим сегодня: вчерашние коммунисты и комсомольцы стали миллиардерами и миллионерами, предпочтя личное богатство социальной справедливости.

В. П. Астафьев был морально отягощён поиском человеческого совершенства в человеке, особенно в человеке обыкновенном, в его повседневности. Его литературные герои и сам он — натуры мятущиеся, истовые в добре и зле. Он ставит их и самого себя часто один на один с миром, со Вселенной. Повесть «Пастух и пастушка» заканчивается строчкой: «Остался один — посреди России». Повесть «Звездопад» имеет такое завершение: «В яркие ночи, когда по небу хлещет сплошной звездопад, я люблю бывать один в лесу, смотрю, как звёзды вспыхивают, кроят, высвечивают небо и улетают куда-то. Говорят, что многие из них давно погасли, погасли ещё задолго до того, как мы родились, но свет их всё ещё идёт к нам, всё ещё сияет нам».

Волей-неволей вспоминается стихотворение Михаила Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит». На последней странице «Звездопада», рассуждая о счастье и несчастье, писатель вспоминает строчку А. С. Пушкина: «Печаль моя светла». Не является ли такая печаль лейтмотивом всего творчества В. П. Астафьева, даже в «Печальном детективе»?

Литературные критики как-то не заметили, что в произведениях писателя много глубокомысленных суждений и вопросов. Вот повествование в рассказах «Царь-рыба». Удивительное вопрошающее завершение, почти как у философов:

«Всё течёт, всё изменяется — свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

Всему свой час и время всякому делу под небесами;

Время родиться и время умирать;

Время насаждать и время вырывать насаженное;

Время убивать и время исцелять;

Время разрушать и время строить;

Время плакать и время смеяться;

Время стенать и время плясать;

Время разбрасывать камни и время собирать камни;

Время обнимать и время избегать объятий;

Время искать и время терять;

Время хранить и время тратить;

Время рвать и время шивать;

Время молчать и время говорить;

Время любить и время ненавидеть;

Время войне и время миру.

Так что же я ищущу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет мне ответа.

Читается и воспринимается как стихотворение в прозе. Такие «почему» постоянно присутствуют в «Затесах», в других произведениях писателя. Его влекло к бесужетной прозе, поэтому он рассказывает, рассказывает о житье-бытье простым, будничным, а выстраивается система бытия в суете сует, в поступках людей, хорошо знакомых В. П. Астафьеву, близких и родных людей. «Я люблю родную страну свою, хоть и не умею сказать об этом, как не умел когда-то и девушке своей сказать о любви. Но очень уж большая земля-то наша — российская. Утеряешь человека и не вдруг найдёшь». Античный философ Диоген ходил по улицам города днём с фонарём, чтобы «найти человека». Именно Человека ищет писатель Астафьев среди далёких и близких людей. И гениален он тем, что их видит и представляет, как в «Последнем поклоне». Бабушка Катерина Петровна — такой Человек! И Аким в «Царь-рыбе» — Человек, и дети в «Ухе на Боганиде» — ещё не испорченные миром Люди. И сам В. П. Астафьев, сирота-подросток, в тяжёлых условиях становился Человеком, стал им в годы Великой Отечественной войны и после — уже в роли писателя, Героя Социалистического Труда.

Некоторые литературные критики считают, что проза В. П. Астафьева публицистична, а что уж говорить о статьях и интервью с ним: он всегда был задиристым — это от сиротства в детстве. Можно бы согласиться с таким суждением, но с одной оговоркой. Всякий большой писатель во все времена, в сущности, является публицистичным, потому что мыслит масштабно и задаёт вопросы всему человечеству. По словам Владимира Маяковского, «поэт — должник Вселенной». Разве не публицистичен Л. Н. Толстой, ставший «вторым царём» в России и поссорившийся с православной церковью? Публицистика в творчестве писателей усиливается во второй половине их жизни, когда они приобретают огромный опыт страдальческой жизни, когда задумываются о вечном. А сюжетное повествование становится узким, не вмещающим самого автора и его литературных персонажей. Все пророческие духовные тексты публицистичны. Именно они и цитируются сменяющимися поколениями. Сказать так, чтобы помнили поколения людей, — это Дар! И В. П. Астафьев в своих произведениях часто вопрошает: «Почему так?» Проза его ни в коем случае не напоминает тихое течение или застоявшееся болото,

которое можно тихо созерцать и спокойно о нём рассказывать. Почему книги Астафьева всегда вызывали в обществе напряжённую дискуссию, воспринимались как «взрыв на передовой», чего не скажешь о многих других рассказах и повестях о войне, даже литературно даровитых? Александр Солженицын в отклике на смерть В. П. Астафьева написал: «Умер самобытный русский писатель, настойчивый правдолюбец. Из первых, кто чутко отозвался на нравственную порчу нашей жизни. Как никто, испытал солдатскую тяжесть войны и поднял её со дна». Тяжело было на войне всем, более всего рядовым, окопным солдатам. Правдолюбец В. П. Астафьев сострадал именно им, себе подобным. Окопная правда и есть трагический реализм войны, «полную правду о которой знает только сам народ» (К. Симонов). Поэт-танкист, обожжённый в танке, Сергей Орлов писал о солдате: «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат. Всего, друзья, солдат простой, без званий и наград. Ему как мавзолей земля...» Могилы Неизвестного Солдата — обобщённый образ миллионов погибших солдат. Впервые, наверное, так горестно пожалел и представил их в своих книгах В. П. Астафьев. В течение пяти лет после войны он, по его словам, совершенно равнодушно относился к покойникам, привыкший видеть их на фронте десятками и сотнями, как показано им при форсировании Днепра. Публицистичность его в прозе — это от горя и страдания за людей, живущих неразумно, вопреки евангельским заповедям: не убий, не укради, не пожелай зла ближнему своему, не судите, да не судимы будете и др.

Писатель, становящийся известным, потом знаменитым, не может не вмешиваться в государственную политику. Публицистичность чаще всего обусловлена как раз политическими страстями, властью предрежащими. «Поэт и власть! — проблема эта всегда в истории была» (цитирую своё стихотворение). История мировой литературы полна примеров того, как поэты, писатели «спорили с властью», порой находились на службе в ней или искали дружбы и покровительства. Все властители мира суетного пытались возвеличивать свою властную силу формами искусства и литературы. Какая власть — такая и архитектура и пр. Соблазн «быть во власти» смущал многих художественных творцов, подвигал их на оды и гимны во имяладыка мира сего. Но эта «непорочная связь» всегда заканчивалась драматически для тех, у кого Дар Божий «глаголом жечь сердца людей».

Известное выражение «революция пожирает своих детей» относится в первую очередь к творцам пера и кисти. «Пролетарский писатель» Горький говорил о себе: «Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди». В. И. Ленин упрекал Горького за «предрассудки мелкой буржуазии». Но писатель

мыслил более глубоко, чем «вождь мирового пролетариата». Александр Блок, Владимир Маяковский, Сергей Есенин (никто не сомневается в их таланте) слушали «всем сердцем музыку революции» и стали её жертвами. Но они любили Россию и не предали её!

У В. П. Астафьева отношения с государственной властью и даже с народом были более противоречивы, чем у его предшественников в русской литературе. Что касается власти, то он никогда её не хвалил, хотя немножко заигрывал с М. Горбачёвым и Б. Ельциным, извлекая из этих отношений некую «прибыль»: звание Героя Социалистического Труда и пятнадцать томов собрания сочинений, изданных за счёт государства. Звание «Герой Труда» и сейчас присуждается, хотя звучит уже не так значимо и торжественно, как при советской власти. Возмездием за «связь с властью» стало то, что половина тиража пятнадцатитомного собрания сочинений была отправлена «в макулатуру», так как никто не хотел выкупать эти книги из издательства «Офсет», а бесплатных экземпляров для библиотек понадобилось значительно меньше. При «демократической» власти Россия из самой читающей страны в мире резко пошла вниз в этом рейтинге. Очарование «демократией» стало исчезать из воображения В. П. Астафьева в конце его жизни. Известное пушкинское высказывание: «Я сам обманываться рад», — коснулось и В. П. Астафьева. На литературных чтениях, проводившихся в Овсянке, на родине писателя, он вдруг заговорил о «нравственной порче» в «глянцевах журналах», что все «наелись» этим в новоявленной литературе, что надо возвращаться к изображению «цельного человека» во всей его сложности, противоречивости. Писательская честная интеллигенция вновь оказалась у разбитого корыта государственности и вместе с ней понесла и материальные потери, и нравственные увечья.

Перед писателем всегда возникает исторический выбор: с кем вы, мастера культуры? Николай Добронравов, широко известный песнями вместе с Александрой Пахмутовой, на своём юбилейном вечере прочитал стихотворение, в котором есть такая строчка: «Остаюсь с обманутым народом». Писатель без народа — в полном смысле сирота и «среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Остался ли с народом В. П. Астафьев? Есть мнение, что он не любил не только власть советскую, но критически относился и к народу, будучи порождённым в нём. Высокие государственные награды за литературные заслуги свидетельствовали о том, что он — народный писатель, общероссийский и даже мировой! Сам же он нередко говорил, что «народ испортился», особенно после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, на фронтах которой погибла нация — русский народ. Остались те, кто попал под

«нравственную порчу». В книгах писателя нет ни «тургеневских барышень», ни тех, кто «закалялся сталь» или собирал «рекордные урожаи» и получал «высокие надои». Женщина, прозванная Урной,— персонаж в «Печальном детективе» — есть отрицательный пример женщины. Подобных отрицаний немало в разных книгах писателя. Но ведь он любил бабушку Катерину Петровну и представил её замечательный во всех смыслах образ как образец человека в народе. Новизна прозы В. П. Астафьева, да и всего им написанного, в том, что он сознательно не создавал «героев нашего времени», не изображал идеальных личностей, с которых надо брать пример тем, кто читает его книги.

Идеальное существо по форме складывается на основе всего прочитанного не только у В. П. Астафьева. Такова жизнь! Фёдор Михайлович Достоевский восклицал: «Не знаю ничего совершеннее Христа!» А коли так, что нам, грешным, делать? Жить по образу и подобию! И писатель В. П. Астафьев своим творчеством пытался выйти на такие измерения души человеческой, хотя Геннадий Фаст посчитал его как не имеющего «духовного опыта» в размышлениях о вечном в религиозном смысле. Мы на стороне В. П. Астафьева. Вечное по заповедям, божественное он искал в обыденной жизни и находил, потому как вечное без человека — пантеизм или пустая абстракция. Да, не хлебом единым жив человек, но Христос накормил хлебами всех, кто в него поверил. И люди трудятся в поте лица своего. Единство веры и труда как человеческого предназначения безусловно. У В. П. Астафьева все люди — в труде, но труд разный, и люди разные. Война — грязная, тяжёлая работа. Она — самое страшное, мучительное испытание для человека. Вечная память павшим на фронтах войны. Те, кого представил в книгах писатель, остаются с поколениями в смене веков и эпох.

В отношении к Отечеству, к России В. П. Астафьев продолжает традицию русских писателей. Вспомним хотя бы «Путешествие...» Александра Радищева и самоубийство его после всех разочарований. А Н. В. Гоголь и сожжение им самим второго тома «Мёртвых душ» (В. П. Астафьев высоко чтит творчество Гоголя)? А почему писал Михаил Лермонтов: «Люблю отчизну я, но странною любовью...»? А строчки «народного» Некрасова: «Кто

не знает тоски и печали, тот не любит отчизны своей»? Александр Блок: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые, — как слёзы первые любви!» Много чего можно вспомнить в истории русской литературы о «печали» и «странностях» русского человека, о загадках его души, не понятной заморским мудрецам, да и нам самим.

Достоинство творчества В. П. Астафьева — в многообразии переживаний реальности в её повседневности, в невыдуманных обстоятельствеях, в бесстрашии «быта». Писатель поставил себя в отношения как с «чистыми», так и с «нечистыми» в числе людей, в их надеждах и обманах.

В завершение данной статьи я хочу немножко вспомнить о личных отношениях с ним при встречах и на каких-то мероприятиях. Мне кажется, что он всю жизнь был «весёлым солдатом», искренне смеялся, шутил, балагурил, матерился. И высмеивал тех, кто, сочинив стихи к Восьмому марта, считал себя писателем. Писательский труд он считал именно Трудом, а не увлечением по случаю — к празднику или к юбилею. Иногда он бывал очень жёстким, даже грубым по отношению к тому, с кем он не соглашался. Его сермяжная, «окопная» правда как-то по-особому всегда была ему дорога. И он, невзирая на лица, утверждал, укреплял её в себе и вокруг. Но он не держал зла за пазухой, был отходчив после запальчивости, после круто сказанного слова. Это в характере русского человека! Как русский человек, он любил природу. Без неё литература ущербна. Русская душа сформировалась на широких природных просторах, в географических пространствах, открытых во все части мира земного.

Я написал несколько стихотворений, посвящённых В. П. Астафьеву и М. С. Астафьевой-Корякиной. Одно из них заканчивается строчками: «Писатели не умирают. Они уходят в дальний путь». Виктор Петрович искупил всё пережитое горестными строчками завещания: «Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье». Нет, не так: писатель оставил нам свои великие произведения, без которых уже трудно представить нашу собственную жизнь и судьбу русских людей вообще.